

ТРИ ТЕНИ

ДМИТРИЙ ПРАВДИН

Дмитрий Правдин

Три тени

«Автор»

2026

Правдин Д.

Три тени / Д. Правдин — «Автор», 2026

Повесть по мотивам сериала «Диверсант» 1943 год. Белорусские леса. Гауптман Вернер фон Штраус, офицер немецкой контрразведки, получает задание нейтрализовать элитную группу советских диверсантов. То, что начинается как стандартная охота, превращается в личную дуэль умов и характеров. Преследуя трех неуловимых врагов — Крылова, Чухлова и Керженцева, — Вернер постепенно осознает, что борется не с безликой массой, а с профессионалами, связанными крепче, чем любая армия. История о войне, где главная битва происходит не на поле боя, а в душе человека, который учится видеть в враге отражение самого себя.

© Правдин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть по мотивам сериала «Диверсант»	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Дмитрий Правдин

Три тени

Повесть по мотивам сериала «Диверсант»

От автора

Почему я решил рассказать эту историю от лица врага? Этот вопрос мне задавали чаще всего, когда я только начинал работу над рукописью. Казалось бы, у нас есть героический эпос, есть правда советского солдата, есть боль и триумф Победы. Зачем лезть в голову тому, кто стрелял в наших дедов? Ответ прост: чтобы понять природу тьмы, нужно заглянуть ей в глаза. Не с ненавистью, а с вниманием. Сериал «Диверсант» стал для меня не просто развлечением, а точкой отсчета. Меня поразила не столько динамика боевых сцен, сколько та невидимая нить, что связывала охотника и добычу. Крылов, Чухлов и Керженцев были не просто бойцами спецназа. Они были профессионалами высшего класса. И их противник, немецкий офицер контрразведки, должен был быть им равен. Иначе победа теряла бы вес. Я хотел показать войну без плакатного пафоса. Войну как тяжелую, грязную работу, где нет места романтике, но есть место человеческим чувствам. Гауптман Вернер фон Штраус в моей повести — это не карикатурный злодей из кинохроники. Это человек, потерявший всё, кто пытается найти смысл в хаосе через порядок и дисциплину. И именно столкновение его холодного порядка с живой, хаотичной, но братской стихией советских диверсантов стало стержнем этой книги. Называя повесть «Три тени», я имел в виду не только троих героев-диверсантов. Тень — это то, что всегда идет за нами. Это наша память, наши страхи, наши потери. Для Вернера эти трое стали тенями его собственного прошлого, напоминанием о том, что он тоже когда-то был человеком, а не функцией. Эта книга — попытка диалога. Диалога между прошлым и настоящим, между «своими» и «чужими», между жизнью и смертью. Я надеюсь, что читая её, вы почувствуете не только напряжение боя, но и тишину, которая наступает после него. Тишину, в которой слышно биение человеческого сердца. Спасибо, что вы со мной в этом лесу. Дмитрий Правдин

Повествование: От первого лица (гауптман Вернер фон Штраус, офицер абвера/контрразведки). **Сеттинг:** 1943 год, Белорусские леса.

Глава 1. Тишина, которая громче выстрела

Дождь в этих краях не просто идет. Он висит в воздухе, тяжелый, серый, пропитанный запахом гнилой хвои и сырой земли. Я люблю этот запах. Для многих он означает грязь, холод и тоску по дому, где сухо и тепло. Для меня — это запах работы.

Меня зовут Вернер. Гауптман Вернер фон Штраус. Мои коллеги называют меня «Ледяным человеком», потому что я редко повышаю голос и почти никогда не улыбаюсь. Они думают, что я бесчувственен. Возможно, они правы. Чувства мешают видеть детали. А в моем деле детали — это разница между жизнью и смертью. Не только моей, но и тех, кто находится под моим командованием.

Мы стояли на опушке леса, недалеко от разрушенной деревни, название которой я уже забыл. Зачем запоминать названия мест, которые перестанут существовать через неделю? Солдаты курили, пряча огоньки сигарет в ладони. Дым смешивался с туманом, создавая иллюзию движения там, где его не было.

— Герр гауптман, — тихо позвал меня унтер-офицер Мюллер. Его лицо было бледным, глаза бегали. Он молодой, слишком молодой для этой войны. Ему двадцать два, а выглядит он

на сорок. Война старит быстро, если ты умеешь думать. — Патруль вернулся. Ничего. Только следы.

— Следы чего? — спросил я, не оборачиваясь. Я смотрел на линию деревьев. Там, в темноте, пряталось что-то, что нарушало идеальный порядок моего сектора.

— Лыжи, герр гауптман. И сапоги. Советские. Трое, может быть, четверо. Они прошли здесь два дня назад. Аккуратно. Очень аккуратно.

Я наконец повернулся к Мюллеру. — Аккуратно? В лесу, после дождя?

— Они использовали ветки, чтобы замести следы. Но земля мягкая. Видно, где ступала нога. Они шли не строем. Они шли... как тени.

Я кивнул. «Тени». Именно так их называли наши разведчики. Диверсанты. Не регулярная армия, не партизаны-ополченцы с ржавыми винтовками. Это были профессионалы. Люди, которых учили убивать тихо, выживать в любых условиях и исчезать, прежде чем враг поймет, что произошло.

В Берлине нам говорили, что таких групп мало. Что Красная Армия истекает кровью и не имеет ресурсов для подготовки элитных подразделений. Берлин ошибался. Или хотел верить в свою ошибку.

— Покажите мне, — сказал я.

Мы пошли в лес. Мюллер вел меня к месту, где земля была слегка примята. Я присел на корточки, игнорируя сырость, проникающую сквозь шинель. Да, следы были. Глубокие вмятины от лыж, но рядом — отпечатки валенок. Странный микс. Лыжи для скорости, валенки для тишины? Нет. Они меняли обувь. Или маскировались.

Я провел пальцем по краю вмятины. Земля еще не успела полностью осесть. — Они отдыхали здесь, — пробормотал я. — Не бежали. Отдыхали. Значит, они уверены в себе. Или безрассудны.

— Прикажете начать прочесывание, герр гауптман? — спросил Мюллер, надеясь на простой ответ. Прочесывание — это шум, крики, выстрелы в воздух. Это способ успокоить совесть, показав активность.

— Нет, — резко ответил я. — Если мы начнем шуметь, они растворятся. Эти люди не боятся смерти, Мюллер. Они боятся только провала задания. Если мы давим, они уходят. Если мы ждем, они делают ошибку.

Я поднялся, стряхивая грязь с коленей. — Соберите людей. Никаких костров. Никакого шума. Мы ставим засады на всех тропах, ведущих к железнодорожному мосту у реки Сож. И к складу с топливом.

Мюллер удивленно моргнул. — К мосту? Но разведка докладывала, что мост хорошо охраняется.

— Разведка докладывала то, что хотела видеть, — холодно сказал я. — А эти трое... или четверо... они идут туда, где больше всего. Где удар будет неожиданным. Мост — это артерия. Перережь ее, и фронт задохнется.

Я посмотрел на серое небо. Где-то там, за километры отсюда, сидели три человека. Я не знал их имен. Не знал их лиц. Но я уже чувствовал их присутствие. Они были здесь, в этом лесу, как вирус в здоровом теле. И моя задача — найти этот вирус и выжечь его.

Но в глубине души, там, куда я старался не заглядывать, шевелилось странное чувство. Не страх. Уважение? Нет, война не терпит уважения к врагу. Это было любопытство. Кто они? Откуда взялась эта холодная ярость, эта дисциплина, которая пугает больше, чем хаос?

— Двигаемся, — скомандовал я. — И помните: тишина — наше главное оружие.

Глава 2. Призраки прошлого

Ночь опустилась на лес быстро, словно кто-то накинул черное одеяло. Мы расположились лагерем в полукилометре от предполагаемого маршрута диверсантов. Я запретил разводить костры, поэтому мы ели холодные консервы, запивая их водой из фляг. Вкус металла и старого мяса был отвратительным, но голод — лучший повар.

Я сидел на поваленном стволе дерева, чистя свой Walther P38. Механическое движение успокаивало. Щелчок затвора, скольжение масла, проверка пружины. Все должно работать идеально. Как и мои мысли.

Рядом со мной сидел лейтенант Клаус, мой заместитель. Он был старше меня, ветеран Первой мировой, хотя и скрывал это. У него дергалась левая рука, когда он нервничал. Сейчас рука дрожала едва заметно.

— Ты думаешь, они придут tonight? — спросил Клаус, глядя в темноту.

— Они уже здесь, — ответил я, не поднимая глаз от оружия. — Вопрос в том, когда они решат нанести удар.

— Почему ты так уверен?

Я остановился и посмотрел на него. — Потому что я видел их следы, Клаус. Обычный солдат оставляет следы страха. Он спешит, он топчет землю, он ломает ветки. Эти люди оставляли следы уверенности. Они знали, куда идут. И они знали, что мы их ищем.

Клаус поморщился. — Это звучит как игра в кошки-мышки. А я ненавижу игры.

— Война и есть игра, — тихо сказал я. — Только ставки выше.

Я вспомнил свой дом в Мюнхене. Маленький дворик, вишневое дерево, которое цвело каждую весну белыми облаками. Моя жена, Элиза, любила печь яблочные пироги. Запах корицы и печеного яблока заполнял весь дом. Теперь этот дом разрушен бомбардировкой союзников. Элиза погибла. Вишневое дерево сгорело.

Иногда мне кажется, что я воюю не за Германию, не за фюрера, не за идеологию. Я воюю, чтобы заполнить пустоту внутри себя. Чтобы шум войны заглушил тишину в моей голове, где живет память о том, чего больше нет.

Диверсанты... Они тоже что-то потеряли? Или они борются за то, что еще можно спасти?

— Герр гауптман, — шепотом позвал солдат с наблюдательного поста. — Движение. Сектор четыре.

Я мгновенно вскинул голову, пряча пистолет за пояс. — Что именно?

— Тень. Между деревьями. Не человек. Слишком низко. Может, животное.

— Животные не ходят парами, — прошептал я, поднимаясь. — Оставайтесь на местах. Ни звука.

Я пополз вперед, растворяясь в темноте. Мой опыт подсказывал: если это ловушка, то она будет простой. Диверсанты не любят сложных конструкций. Они любят эффективность.

Пробравшись сквозь кусты, я замер. Впереди, метрах в двадцати, действительно что-то двигалось. Два силуэта. Они шли пригнувшись, почти касаясь земли руками. Один нес на спине длинный сверток. Ружье? Миномет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.